

**ИЗ ИСТОРИИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СССР И ИТАЛИЕЙ
(МАРТ – ОКТЯБРЬ 1944 г.):
ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ**

Капитуляция Италии и подписание перемирия между правительством маршала Пьетро Бадольо и Объединенными Нациями 8 сентября 1943 г. поставили в повестку дня вопрос о восстановлении дипломатических отношений между Италией и державами, ведущими войну против Германии и ее союзников. Особенно существенным этот вопрос стал после приобретения Италией статуса «совместно воюющей страны». Естественно, что вопрос о восстановлении дипломатических отношений между СССР и Италией, прерванных 22 июня 1941 г., также потребовал достаточно оперативного решения.

В 1941-1943 гг. правительство Италии и Итальянский Красный Крест несколько раз обращалось через Международный Комитет Красного Креста к правительству СССР, стремясь, прежде всего, получить информацию об итальянских военнослужащих, попавших в плен на Восточном фронте, а также добиться согласия советского правительства на установление переписки между пленными итальянцами и их семьями в Италии. Правительство СССР и Советский Красный Крест ни разу не ответили на итальянские обращения¹, несмотря на постоянные ссылки итальянской стороны на Гаагские конвенции о законах и обычаях войны.

Принципиальное решение о восстановлении дипломатических отношений между СССР и Италией было принято в результате обмена нотами между советским и итальянским правительствами 11 марта 1944 г.² Переговоры о реальном установлении дипломатических отношений между обеими странами начались немедленно после данного обмена нотами и велись через миссии обеих стран в Афганистане. С итальянской стороны главным участником переговоров стал посланник Италии в Афганистане Пьетро Кварони, 25 марта 1944 г. назначенный представителем итальянского правительства при правительстве СССР³.

Период между 11 марта и 25 октября 1944 г. в истории дипломатических отношений между СССР и Италией имеет значительное своеобразие. Формально дипломатические отношения между странами не были восстановлены в полном объеме, дипломатические миссии имели статус представительств правительства одной стороны при правительстве другой. Фактически данный период стал временем восстановления деятельности дипломатических миссий, организации их деятельности, выявления наиболее существен-

¹ Архив внешней политики России (АВПР). Ф. 98. Оп. 27. П. 29. Д. 3. Л. 64.

² СССР – Италия. Страницы истории 1917-1984. Документы и материалы. М., 1985. № 41, 42. С. 70.

³ Там же. № 46. С. 72. I Documenti diplomatici italiani (DDI). Ser. 10. Vol. 1. Roma, 1992. N 169. P. 204.

ных точек соприкосновения интересов во внешней политике Италии и Советского Союза. Официальный статус руководителей миссий не был определен как посол или посланник, главы миссий именовались «представителями» своего правительства при правительстве второй стороны.

Пьетро Кварони (1898-1971) активно участвовал в работе итальянского ведомства иностранных дел с середины 1930-х гг. В 1935 г. он был одним из экспертов на конференции в Стресе, после чего был назначен генеральным консулом Италии в Салониках (Греция). В 1936 г. П. Кварони получил назначение на должность чрезвычайного и полномочного посланника Итальянского королевства в Афганистане и до 1944 г. оставался в Кабуле. Как и абсолютное большинство членов итальянского дипломатического корпуса, Кварони после падения фашистского режима 25 июля 1943 г. остался верен королю Виктору Эммануилу III и поддержал правительство маршала П. Бадольо. В марте 1944 г. Кварони получил назначение в Москву⁴.

Советским представителем при правительстве Бадольо был назначен Михаил Алексеевич Костылев (1900-1974), занимавший до этого должность советника посольства СССР в Турции⁵.

Плакат, изданный в Итальянской Социальной Республике по случаю обмена дипломатическими представителями между Итальянским королевством и СССР. На плакате – Сталин и маршал Бадольо, под рисунком приведен текст телеграммы Бадольо Сталину в связи с восстановлением дипломатических отношений между странами. Март 1944 г.

Пьетро Кварони прибыл в Москву в конце мая 1944 г. и немедленно обратился с официальной информацией о прибытии в наркомат иностранных дел. Письмо Кварони вызвало удивление в советском ведомстве, так как в послании, после информации о прибытии и начале исполнения своих обязанностей, содержалась фраза: «Вследствие этого, г-н Народный Комиссар, остаюсь в ожидании, что Вы любезно сообразовоите сообщить мне, каким образом я должен действовать в даль-

⁴ Пьетро Кварони оставался послом в Москве до 1947 г., позднее был послом Италии во Франции (1947-1958), в ФРГ (1958-1961), в Великобритании (1961-1964). После отставки с дипломатической службы в 1964 г. Кварони занимал должности президента итальянской телерадиокомпании RAI (1965-1969) и Итальянского Красного Креста (1969-1971). См.: Grande Enciclopedia De Agostini. CD-Rom. Italia, 1995.

⁵ М.А. Костылев находился на дипломатической работе с 1937 г. Советник посольства СССР в Турции (1942-1944), представитель, затем посол в Италии (1944-1954), посол в Аргентине (1956-1959). В 1954-1956 и 1959-1969 гг. – сотрудник центрального аппарата МИД СССР, член Коллегии МИД СССР. С 1969 г. в отставке. См.: Дипломатический словарь. Т. II. М., 1986. С. 112.

нейшем при исполнении моих функций»⁶.

Послание Кварони вызвало оживленную переписку между отделами наркомата иностранных дел. Руководители отделов выражали мнение, что представитель Италии должен сам знать, как ему надлежит действовать, а если не знает, должен запрашивать инструкции у своего правительства. В конечном итоге, было принято решение поблагодарить Кварони за информацию, а на последнюю фразу не отвечать вообще⁷.

После официального представления Кварони передал советскому наркому В.М. Молотову официальное письмо главы итальянского правительства Пьетро Бадольо, датированное 16 мая 1944 г. В послании Пьетро Бадольо обратился к советской стороне с просьбой, которая стала ведущей темой в итальянской переписке 1944 г. с руководством СССР: итальянское правительство обратилось к советскому правительству с просьбой помочь итальянским гражданам найти своих близких среди итальянских военнопленных, находящихся в СССР⁸.

В деятельности миссии Италии в Москве в 1944 г. можно выявить несколько основных направлений, хорошо заметных в официальной переписке миссии с советскими властями. Важнейшим из них было, естественно, отмеченное П. Кварони в письме к маршалу П. Бадольо желание доказать искренность политики Италии, направленной на всестороннюю поддержку военных усилий держав антигитлеровской коалиции⁹. Однако основное место в дипломатической переписке занимали иные, более мелкие текущие проблемы.

Основной формой деятельности миссии стали указанные в письме маршала Бадольо запросы к советскому правительству относительно судьбы конкретных военнопленных. Второй не менее важной сферой деятельности итальянской миссии в СССР в 1944 г. стало восстановление работы итальянского дипломатического представительства в СССР, прерванной в связи с объявлением войны Италией в июне 1941 г. Возобновление работы миссии потребовало решения множества текущих проблем различного масштаба, и эти проблемы занимают значительное место в переписке между советским внешнеполитическим ведомством и итальянским представительством (позднее – посольством) в СССР.

Одной из проблем оказалось финансирование деятельности представительств Италии и СССР. По согласованию между правительствами Италии и СССР на 1944 г. правительство СССР должно было выделить сумму в 200 тыс. рублей на нужды представительства Италии, а итальянское правительство предоставить для деятельности советского представительства в Италии соответствующую сумму в лирах. Советский кредит был предоставлен практически немедленно, уже в июле 1944 г. первый транш в 60 тыс. рублей был выплачен итальянской стороне. Спор развернулся вокруг компенсационной суммы, предназначавшейся для советского представительства в Италии.

⁶ АВПР. Ф. 98. Оп. 27. П. 29. Д. 3. Л. 4.

⁷ АВПР. Ф. 98. Оп. 27. П. 30. Д. 720. Л. 2.

⁸ АВПР. Ф. 98. Оп. 27. П. 29. Д. 9. Л. 72-73.

⁹ DDI. Ser. 10. Vol. 1. N 245. P. 296.

Советское правительство предложило итальянской стороне выплатить представительству СССР сумму в 3 740 тыс. лир (по курсу 18,70 лиры за рубль). Правительство Италии заявило, что предложенный курс не соответствует реальности, и предложило со своей стороны произвести расчет по курсу 1943 г. – 3,80 лиры за рубль (то есть выплатить сумму в 760 тыс. лир). Советское правительство ответило категорическим отказом. Итальянцы еще раз попытались заявить, что советские требования завышены, и Италия не может вести расчет по столь завышенному курсу, однако фактически признало, что и итальянские расчеты не вполне соответствуют действительности. Новое предложение Италии состояло в компромиссе – произвести расчет через американский доллар (в сентябре 1944 г. при перерасчете через доллар курс лиры по отношению к рублю был равен 8,37 : 1), и сумма компенсации в этой ситуации должна была равняться 1 674 тыс. лир. В ответ советское правительство прекратило кредитовать деятельность итальянского представительства в Москве, и итальянцы, испытывая крайнюю нужду в деньгах, вынуждены были (в октябре 1944 г.) принять первоначальные советские условия (перерасчет по курсу 18,70 лиры за рубль). Таким образом, советское представительство в Италии получило для своих нужд сумму, более чем в два раза превышавшую советский кредит для итальянского представительства в Москве¹⁰.

Не менее существенной проблемой при возобновлении деятельности дипломатических представительств оказалась проблема имущества, которым владели соответственно посольства СССР и Италии в Риме и Москве до начала войны 22 июня 1941 г. Покидая СССР, итальянская дипломатическая миссия оставила своё имущество на хранение в посольстве своей союзницы Японии, с которой Советский Союз имел пакт о нейтралитете. В 1944 г., однако, Италия (Южное королевство) и Япония оказались во враждебных лагерях, и, хотя формально Италия объявила войну только Германии, отношения между ней и Японией оказались фактически прерваны, так как Япония признала правопреемницей союзной ей Италии Итальянскую Социальную Республику, созданную в сентябре 1943 г. в Северной и Центральной Италии, и соответственно не признавала законность правительств Пьетро Бадольо и его преемника Иванизо Бономи. В этой ситуации итальянское представительство вынуждено было обратиться к наркомату иностранных дел СССР с просьбой оказать содействие в получении имущества итальянского посольства, оказавшегося в посольстве Японии¹¹. Однако советское правительство не спешило выполнить итальянскую просьбу, и реально имущество итальянского посольства (по информации заинтересованной итальянской стороны, находившееся в очень плохом состоянии) было возвращено итальянскому посольству только летом 1945 г., уже после вступления СССР в войну с Японией. Интересно, что особые оговорки итальянского представителя касались кадки с пальмой, оставленной на хранении в японском посольстве: Представитель Правительства Италии при Правительстве СССР просил советский НКВД выяснить сохранность оставленного в японском посольстве дерева и позабо-

¹⁰ АВПР. Ф. 98. Оп. 27. П. 29. Д. 2. Л. 31; Д. 3. Л. 46; Д. 4. Л. 16, 24; Д. 6. Л. 18, 32, 34.

¹¹ АВПР. Ф. 98. Оп. 27. П. 29. Д. 3. Л. 19, 47.

таться о его возвращении итальянцам¹² (возможно, пальма напоминала сотрудникам итальянского представительства о родине).

Только к концу 1944 г. решилась и проблема посольского транспорта, вызвавшая продолжительную переписку между советскими и итальянскими властями. При разрыве дипломатических отношений обе стороны оставили парк посольских автомашин, конфискованных в пользу страны пребывания. В частности, в Италии остались 11 автомобилей, обслуживавших советское посольство, и – после освобождения Рима в июне 1944 г. – советское представительство потребовало вернуть данные автомобили. В конечном итоге, бывшие автомобили посольства были выявлены и переданы советской стороне, причем три автомобиля были в нерабочем состоянии. Со своей стороны, советское правительство также передало итальянскому представительству три автомобиля, конфискованных в июне 1941 г. Обсуждение вопроса о взаимной полной компенсации в сфере обеспечения представительств автотранспортом продолжалось и в начале 1945 г.¹³

Бытовая неустроенность особенно остро ощущалась итальянским представительством в СССР. Возникло множество неожиданных проблем, таких, например, как вопрос о багаже Пьетро Кварони, прибывшем из Афганистана. Ящики с багажом главы итальянской миссии прибыли в Москву по железной дороге и были помещены в камеру хранения Казанского вокзала. Больше месяца багаж Кварони хранился в камере хранения, лишь через пять недель со времени прибытия итальянскому представителю было сообщено, что его багаж прибыл, и был выставлен счет за хранение его вещей. Кварони немедленно обратился в НКВД с просьбой разобраться в ситуации, так как багаж хранился столь продолжительное время не по его вине, и в связи с этим разрешить представительству, имеющему серьезные проблемы с финансированием собственной деятельности, не оплачивать хранение багажа. Нарком иностранных дел В.М. Молотов дал указание выполнить просьбу Кварони и отнести расходы за хранение на советскую сторону, так как именно по советской нераспорядительности информация о прибытии багажа не была своевременно сообщена представителю Италии¹⁴.

Конечно, обустройство посольской жизни занимало достаточно много времени и – в условиях войны – было сопряжено с немалыми сложностями. Однако, кроме проблем организационного порядка, представительства Италии и СССР должны были выполнять и свою непосредственную дипломатическую работу.

Для итальянского представительства в СССР исполнение своих прямых обязанностей было сопряжено с немалыми трудностями. В частности, на итальянскую дипломатическую службу были наложены определенные ограничения: например, итальянским дипломатам было запрещено использовать дипломатические шифры, неизвестные странам «большой тройки»¹⁵. В связи с этим время от времени возникали проблемы, связанные с сохранением тай-

---

¹² Там же. Л. 97.

¹³ См.: АВПР. Ф. 98. Оп. 27. П. 29. Д. 4.

¹⁴ АВПР. Ф. 98. Оп. 27. Д. 2. Л. 44.

¹⁵ См.: АВПР. Ф. 98. Оп. 276. П. 38. Д. 2; СССР – Италия. № 50. С. 76.

ны дипломатической переписки. Кроме того, в итальянском представительстве в Москве, особенно весной и летом 1944 г., отсутствовала четкая система связи со своим правительством, и неоднократно Кварони обращался в НКВД с просьбой передать по советским каналам письма или телеграммы итальянского представительства в СССР правительству Италии, так как у представительства не было возможности переправить дипломатические письма и телеграммы без помощи СССР.

Как уже отмечалось, основная часть официальной переписки итальянского представительства в СССР с советскими властями была связана с поиском итальянских солдат и офицеров, воевавших на Восточном фронте и, по предположениям итальянской стороны, оказавшихся в советском плену. На большую часть запросов итальянской стороны советские власти давали ответы, что данное конкретное лицо в списках итальянских военнопленных в СССР не значится. Как правило, итальянская миссия работала на основании запросов итальянских граждан, ссылавшихся на то, что их родственники воевали в России на советско-германском фронте (среди лиц, направивших в итальянское представительство подобные запросы, были и такие фигуры, как глава итальянского правительства Иваноэ Бономи, пытавшийся выяснить судьбу своего племянника Франческо Роспильози, сержанта одного из полков, воевавших на Восточном фронте; на первоначальный запрос советские власти ответили отрицательно, итальянское представительство повторило запрос, сославшись на просьбу Бономи, но результатов и повторное обращение не дало)¹⁶.

Ряд документов, адресованных итальянским представительством советским властям, был связан с просьбами о поддержке в передаче Италии определенных лиц, чаще всего итальянских дипломатов, находившихся на территориях, контролируемых Японией. В частности, правительство Италии обратилось через Кварони с просьбой к правительству СССР оказать содействие в возвращении на родину сотрудников итальянских дипломатических и консульских миссий в Китае, Японии, Маньчжоу Го, Таиланде, которые «отказались присоединиться к псевдо-республиканскому правительству и находятся в руках японцев»¹⁷. Точно так же правительство Италии было озабочено судьбой итальянских дипломатов в Словакии, которые, «после того, как отказались присоединиться к марионеточному республиканскому правительству, были в феврале месяце сего года интернированы в Пештаны»¹⁸; представительство Италии в Москве обратилось в советский НКВД с просьбой о содействии в освобождении дипломатического персонала посольства Италии в Словакии и в возвращении этого персонала на родину.

Итальянское правительство также пыталось добиться передачи Италии тех итальянских дипломатов, которые поддерживали республиканское фашистское правительство. Так, например, итальянская сторона обращалась к советскому правительству с просьбой выдать Италии генерального консула Итальянской Социальной Республики в Румынии Одениго и его секретаря

¹⁶ АВПР. Ф. 98. Оп. 27. Д. 3. Л. 39, 46, 79.

¹⁷ Там же. Л. 105.

¹⁸ АВПР. Ф. 98. Оп. 27. Д. 4. Л. 16-17.

Тоцци, задержанных советскими военными властями, Кварони, ссылаясь на 17 статью декрета-закона от 27 июля 1944 г. «О санкциях против фашизма»¹⁹, в соответствии с которой перед судом должны предстать все лица, сотрудничавшие с фашистским правительством после 8 сентября 1943 г.²⁰ Советская сторона заявила, что она не вправе принимать решения подобного рода, так как содержание названных лиц под арестом или выдача их Италии находятся в компетенции Союзной Контрольной Комиссии по Румынии, куда итальянским властям и надлежит обращаться²¹.

Иные проблемы (наряду с организационными) составляли содержание деятельности советского представительства в Италии. Как отмечал в своих мемуарах Пьетро Бадольо, «мои отношения с посланником Костылевым не были слишком счастливыми, особенно в начале»²². Причина таких отношений была связана с последовательной поддержкой советским представительством контактов с левыми партиями, прежде всего с коммунистами. При этом необходимо отметить, что советское представительство было не единственным советским политическим органом в Италии: значительную роль в установлении и развитии дипломатических контактов между правительствами СССР и Италии играл советский представитель в Союзной Контрольной Комиссии по Италии А.Е. Богомолов.

Советское представительство активно отслеживало ситуацию в Италии, сообщало информацию о деятельности отдельных партий. Так, например, среди документов, направленных советским представительством в НКВД, находился стенографический отчет о «первом большом митинге в освобожденной Италии» (в Неаполе, 12 марта 1944 г.), в котором принимали участие сторонники коммунистической, социалистической и республиканской партий, Партии действия, Партии «Молодая Италия», Генеральной конфедерации труда²³. В комментарии к направленной в Москву стенограмме митинга советские дипломаты подчеркивали антимонархический характер митинга, призывы его участников отдать под суд и Виктора Эммануила III²⁴, и принца Умберто, и премьер-министра Бадольо, а также активное использование в выступлениях на митинге термина «неофашисты» по отношению к монархистам²⁵.

Еще одним направлением деятельности советского представительства стало отслеживание «антисоветских» проявлений в Италии и борьба с ними. Подобные «проявления» были разнообразны по форме и содержанию, но всегда вызывали оживленную переписку между советским представительством и итальянским МИДом. Особенно часто недовольствие советского предста-

---

¹⁹ Le sanzioni contro il fascismo. Il decreto legislativo luogotenenziale 27 luglio 1944, N 159. Roma, 1944. P. 41-43.

²⁰ АВПР. Ф. 98. Оп. 27. Д. 3. Л. 93.

²¹ АВПР. Ф. 98. Оп. 27. Д. 2. Л. 71.

²² Badoglio P. L'Italia nella seconda guerra mondiale. Memorie e documenti. Milano, 1946. P. 178.

²³ АВПР. Ф. 98. Оп. 27. П. 29. Д. 12. Л. 3-26. Стенограмму митинга подготовил редактор газеты «Рисорджименто» Гвидо Руджери, перевод на русский язык был подготовлен в представительстве.

²⁴ Там же. Л. 7: «Фашизм должен быть вырван с корнем из Италии, а вместе с фашизмом – глава фашистов Виктор Эммануил» (выступление представителя Генеральной конфедерации труда Пасторе).

²⁵ Там же. Л. 23.

вительства вызывали действия польских организаций в Италии. Например, возмущение советского представительства вызвала карта, выставленная в витрине одного из книжных магазинов Рима: «Представительство Правительства СССР при Правительстве Италии имеет честь довести до сведения Министра иностранных дел некоторые факты антисоветской пропаганды поляков. В Риме по Корсо Умберто в одной из витрин дома 380 польским бюро пропаганды выставлена карта проектируемого польскими реакционными кругами так называемого “Центрально-Европейского Союза”. В границы этого “Союза” включены целиком земли союзных Советских Социалистических Республик – Эстонии, Латвии, Литвы и территории западных областей Украинской и Белорусской Советских Социалистических Республик, а также Северная Буковина и Бессарабия. На карте имеется надпись о том, что подобный план будто бы является “основой свободы Европы”...»²⁶. Естественно, что советское представительство в категорической форме потребовало убрать такую карту (где территория Польши была показана в довоенных границах) с римских улиц.

Книжные магазины Рима вообще служили серьезным фактором беспокойства для представителя СССР при правительстве Италии. В одном из документов, адресованных итальянским властям, представитель СССР подчеркивает, что сотрудники представительства, совершив в сентябре 1944 г. рейд по книжным магазинам Рима, выявили в продаже «свыше 30 наименований антисоветской литературы фашистской эпохи»²⁷. К письму был приложен список выявленных изданий с указанием магазинов, где они были выявлены; советское представительство требовало немедленно изъять такие издания из продажи.

Продолжительную переписку вызвала книга «Русские писатели» («Narratori russi»), выпущенная издательством «Ди Карло». Книга представляла собой сборник переведенных на итальянский язык рассказов советских писателей, и содержание ее не вызвало никакого возмущения со стороны советского представительства. Претензии советской стороны были направлены на оформление данной книги. «В выпущенной издательством Ди Карло книге “Narratori russi” суперобложка, обложка и иллюстрации изображают русских людей в уродливом виде», – возмущенно писал в ноте, адресованной заместителю министра иностранных дел Италии Джованни Висконти Веноста, представитель СССР Михаил Костылев, и требовал немедленного изъятия и уничтожения тиража данной книги²⁸. Министерство иностранных дел Италии сделало попытку защитить книгу от поборников социалистического реализма, направив в советское представительство ответную ноту, где, в частности, отмечалось, что «рисунки выполнены в импрессионистском стиле и отнюдь не намеревались нанести оскорбление Советской Нации»²⁹. Костылев продолжал настаивать на изъятии и уничтожении издания³⁰. Итальянская сторо-

²⁶ АВІР. Ф. 98. Оп. 27. П. 29. Д. 4. Л. 8-9.

²⁷ АВІР. Ф. 98. Оп. 27. П. 29. Д. 4. Л. 16-17.

²⁸ Там же. Л. 10.

²⁹ АВІР. Ф. 98. Оп. 27. П. 29. Д. 6. Л. 105.

³⁰ АВІР. Ф. 98. Оп. 27. П. 29. Д. 4. Л. 13.

на пыталась смягчить советского представителя, указав, что суперобложка уже изъята и уничтожена, но убрать из уже напечатанной книги иллюстрации технически невозможно, а уничтожение тиража разорит издательство³¹, но представитель СССР остался неумолим.

Конечно, в отношениях между СССР и Италией в 1944 г. обсуждалось значительно большее число вопросов, имеющих и непосредственно внешнеполитический характер. Необходимо отметить, что часто итальянское правительство обращалось за содействием к правительству СССР в ситуации какого-либо обострения отношений Италии с Великобританией и США, а также по вопросам, где, по мнению итальянского правительства, позиция СССР могла оказаться решающей (например, в связи с вероятным изменением итальянско-югославской границы). Однако более активно подобные проблемы обсуждались после 25 октября 1944 г., когда дипломатические отношения между СССР и Италией были восстановлены в полном объеме, а представительства СССР и Италии были преобразованы в посольства.

25 октября 1944 г. СССР и Италия обменялись нотами о восстановлении дипломатических отношений между двумя странами в полном объеме³². Михаил Костылев и Пьетро Кварони получили дипломатические ранги чрезвычайных и полномочных послов, аккредитованных при главе соответствующего государства³³. В истории дипломатических отношений СССР и Италии начался новый этап.

---

³¹ АВПР. Ф. 98. Оп. 27. П. 29. Д. 6. Л. 117.

³² СССР – Италия. № 51, 52. С. 77.

³³ Там же. № 52, 55. С. 77, 79.